

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

ТОМ ПЯТЫЙ

ПРОЗА

РИПОД
КЛАССИК

Москва, 2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С55

С55 Собрание сочинений: в 8 т. — М. : РИПОЛ классик,
2017.

Т. 5: Алейников В. Д. Проза / В. Д. Алейников. — М. : РИПОЛ
классик, 2017. — 744 с.

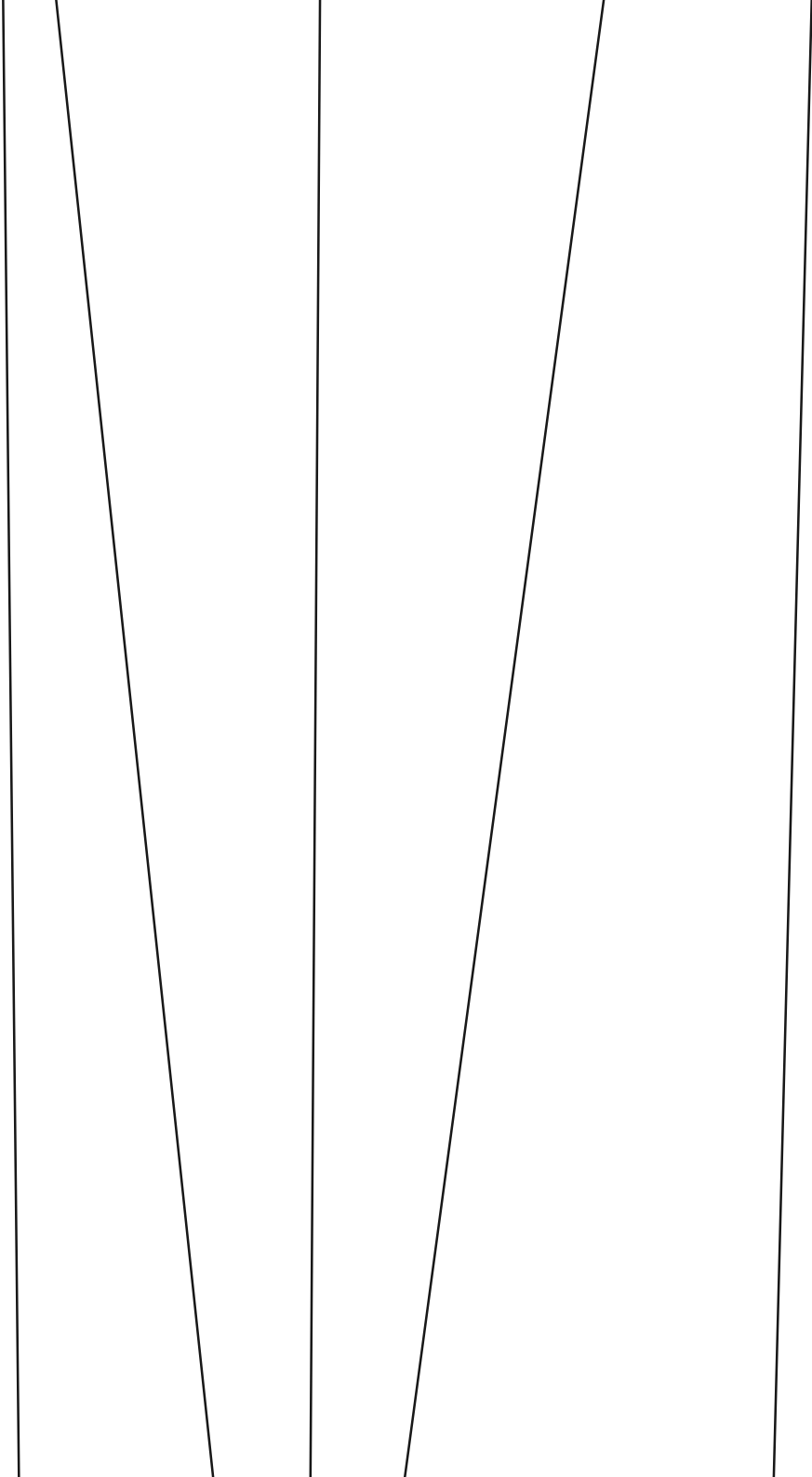
ISBN 978-5-519-62701-6 (Том 5)
ISBN 978-5-386-09816-2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-519-62701-6 (Том 5)
ISBN 978-5-386-09816-2

© Алейников, В. Д., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015

ТАДЗИМАС

Говоришь: самиздат — и опять оживает в ночном непри-
метном окне столь знакомый и все же особенный, истовый
свет, и упрямо горит, и негромко зовет, и привычно ведет —
сокровенной, пустынной тропой, сквозь недобрую мглу от-
шумевшей, ушедшей эпохи.

Самиздат. Вот уж слово так слово!

Сказанное — как выдохнутое.

Найденное — на редкость удачно и очень точно.

Хочется думать и верить — единожды и навсегда.

Ранее безымянному — давшее светлое имя.

Так, искони по наитию, по чутью, ведущему к свету, за ко-
торым встает сияние новых форм и гармоний новых,

вдохновенно — и на века, за внешними очертаниями, за
каким-то общим, клубящимся вдалеке, томящим, зовущим
к небесам, астральным, начальным, речевым, ключевым, тре-
вожным, приворотным, невыразимым, неизбежным, необхо-
димым,

или, в тон ему, зазеркальным, запредельным, за гранью,
зримой или слышимой, музыкальным, с ворожкой неповто-
римой, с тем пространством, в котором время ветерком про-
сквозит по скулам, чтобы всех примирить со всеми, всеобъ-
емлющим, светлым гулом,

за совокупностью множества компонентов, штрихов, деталей, черт, акцентов и характерных, только тайне присущих, примет,

за всей роящейся, реющей, набухающей, разрастающей, сплетающейся в единство туманное, хаотичностью некоей прочной, защитной, странной, весьма условной, но реальной, меж тем, действительно существующей, оболочки, сознательно, самозабвенно, ревниво, настороже находясь постоянно, бессонно, пребывая в том состоянии, за которым начнется что-то небывалое, не такое, как привыкли думать, неожиданное, ни на что не похожее, свежее, даже, может, неповторимое (проверяющее на прочность очевидцев и знатоков, если впрямь таковые найдутся, чтоб судить потом да рядить, что же было такое создано, дабы разом обескуражить, оптом, всех, без изъятий, умников и умельцев больших подводить под любое создание, Божие ли, человеческое ли, не все ли им равно, троглодитам, нужную для чего-то, бредовую базу, позабыв об этом спросить у Вергилия или у Данта), неустанно, без объяснений, что к чему, зная правду свою, развернутою метафорой обволакивающей, хранящей ядро матерьяльное сути,

сразу же, всем существом своим, и слыша и прозревая одновременно, как водится в эмпириях наших (а с ними вместе в яви земной, достаточно вам знакомой, надеюсь, читатели вероятные и толкователи, все привычное вам раздвигающего занавесками на окне сочинения моего, — перед вами оно), и звучащий и светящийся — из сердцевины по-младенчески ждущего имени собственного явления — внутренний, безукоризненно верный, живучий образ,

нарекали, наверное, вслед за бесстрашными предками нашими, все решительно прирожденные (только так и никак иначе, только так, потому что в искусстве, как и в области путешествий, по земному шару и в космосе, и в любом измеренье и времени, состоянье любом и пространстве, по-другому

и не бывает) открыватели ранее бывшего лишь фантазиями, неведомого —

в нашем-то, вот уж действительно загадочном и представляющем собою (как ни крути, как ни ворчи на него, в особенности когда устанешь, или в хандре пребываешь, или в тоску впадаешь, или в отчаянье, или находишься где-то вдали от всех и всего, как я, например, годами, поглядывая, в одиночестве и отшельничестве своем, на Святую гору, встающую, за окном, за холмом, впереди, высокую, выше всех окрестных гор, монолитную, поросшую лесом, подолгу, до ноября, зеленым, а потом багровеющим, алым, золотым, воздушным, сквозным, над которым столько простора в небе, ясном ли, мглистом ли, всяком, из каприза ли, из-за погоды ли, ну а может, и под настроение, как сейчас у меня, когда в доме тихо, пустынно, и свет в окна входит, на юг выходящие, словно Бах, Иоганн Себастьян, мой учитель и собеседник многолетний, в осточертевшем, как-то вкривь, нелепо сидящем на его голове, переполненной дивной музыкой сфер, парике, и срывает этот парик, и швыряет его подальше, с удовольствием сопровождая, для надежности, крепким словцом, и садится за фортепьяно, и, помедлив, играть начинает, и тогда из-под пальцев его, узловатых, крепких, натруженных, как-то просто и в то же время, несомненно, чудом, как в сказке или во сне, возникают мелодии, и звучат, и встают, как дети многочисленные его, счет которым давно ведется на десятки, так уж выходит, ничего не попишешь, наверное, что же делать, планида такая, и встают помаленьку на ноги, и растут, и потом разбредаются, кто куда, кто за кем, по комнатам, по двору, за калитку, на улицу, к морю, в горы, куда-то совсем далеко, не видать отсюда, и мелодии разрастаются, становясь постепенно явными световыми кругами, ступками, фосфорическими шарами, неизведанными планетами, недоступными непосвященным фантастическими, возможно, и, скорее все-

го, мистическими, для кого-нибудь и лирическими, но, в основе своей, трагическими, в полной мере полифоническими, честь и слава творцу, мирами, за которыми вижу я, как в бинокль, откуда-то взявшийся, не иначе как по волшебству, ну а может быть, и сложившийся из мелодий светящихся баховских, прозревающих все, что может прозревать и предвидеть музыка, проникающих в суть явлений, в глубь событий земных, вдалеке, посреди бездомниц былых, на московских улицах мрачных, к человечеству равнодушных, самого себя, молодого, с головой разбитой, в крови, пробирающегося куда-то, по колено в снегу, зимой, в лютый холод, сквозь боль, вперед, и мечтающего хоть где-нибудь отдышаться, прийти в себя, только где, да кто его знает, при заведомом избытии разномастных знакомых столичных днем с огнем не найдешь такого, чтобы выручил, чтобы рядом побыл, пусть и недолго, но все-таки побыл рядом, хоть одного, и приходится, как и всегда, из упрямства, вставать, подниматься, проявлять, в который уж раз, волю, снова терпеть, идти неизвестно куда, зачем-то ждать чего-то, чего, кто знает, уж наверное, лучших времен, бормоча какие-то строки тех, давнишних, своих стихов, замечая, как возникают, из разрозненных строк, мелодии, поднимаясь и разрастаясь, непрерывно звуча, светясь и уже становясь врачующей и сознание, вдруг прояснившееся, и разбитую кем-то неведомым, впрочем, ясно, кем именно, голову, и мою смятенную душу, настоящей, живучей, искренней, личной, кровной, спасительной музыкой, той, с которой надо мне выстоять и на этот раз, той, с которой суждено мне и в будущем быть, между тем как Бах, превращаясь окончательно в свет, кивал мне головою седой своей, не прощаясь и обещая навещать меня, и звучала жизнь сама, и судьба сама с ней звучала, и всял с гор ветер южный, и реял хор, поднебесный, незримый, дар полновзвучный, стущая в шар день безоблачный, без химер, строй высокий, музыка сфер) совершенное произведение животворного, благодатного искус-

ства, конечно же, высших, вселенских, великих сил, хотя и несколько все же, со временем, поутратившем ныне свою перевозданную целостность и несказанную, ведическую красоту, исключительно по вине самих людей, столь досадно и по-варварски грубо нарушивших дарованную не случайно им гармонию, но, тем не менее, прекрасном еще и способном к возрождению, верю я, мире, —

с чистым, всегда возвышающим душу, крылатую, все же, совершенно детским восторгом, испытывая ни с чем не сравнимое, ученическое, изначально, блаженство познания и немалым трудом для ума отзывающуюся в дальнейшем радость, радость-весть, радость-власть, радость-честь, радость-страсть, осмысления того, что, всем бедам прежним вопреки, всем сомнениям грешным, страданиям всем неизбежным, наконец-то произошло, что, слава Богу, свершилось, называли они в своем безудержном и безоглядном порыве, в упрямом, решительном и отважном своем прорыве к истине, острова и целые материки, горы и с техникой связанные изобретения, реки и великие книги.

Слово, ставшее делом. Делом.

То есть — прежде всего, подчеркиваю сознательно это, — работой, ответственной и нелегкой, аналогов не имеющей нигде, каждодневной и сложной.

Без накопленных впрок оттулов и законных своих выходовных.

Без желанных, таких долгожданных, долгих, летних, лучше всего, чтобы к морю вырваться вновь из больших городов, отпусков.

Без откровенного или же умело и ловко скрываемого, виртуозного даже, и так бывало, сплошь артистичного, возводимого кое-кем в ранг нешуточной доблести, что ли, повально-го, карнавального, эпохального, словом, лодырничанья.

Без оплаченных, по трудам, по чинам, по заслугам, советскими, деревянными пусть, да все-таки с покупательной способностью несомненной, реальной, рублями, очень кстати всегда приходившихся обычно, всем людям положенных, по закону, больничных листов.

Без всяких, даже малейших, из снисхождения, скидок — на возраст, на обстоятельства, на неопытность, на усталость, на рассеянность, на скитания, на любовь, — да на что угодно.

Ни поблажек, ни поощрений, ни продыха, — ничегошеньки.

Везде, куда ни взгляни, куда ни шагни, кого ни вспомни только из прежних героев, одно сплошное, вопросов не вызывавшее, в объяснениях не нуждавшееся, принимавшееся, как есть, на веру, надежду вселявшее в наши души на что-то лучшее в грядущем, впрямь безграничное, грозное, отнюдь не тепличное, категоричное «без».

(Неразрывность дали и боли.)

Одержимость повальная, что ли?

Да, представьте себе, одержимость.

(В одержимости — постижимость.

Воли. Доли ее. Пусть — сотой.)

И не чем-нибудь, а работой.

Работой — очень серьезной, порою слишком серьезной.

В известном смысле — признаться следует — ригористичной.

Как правило, сплошь рискованной.

Зачастую — еще и опасной.

На пределе всех наших, достаточно, как мечталось, немалых, и все-таки, если честно, довольно скромных, человеческих, данных природой от рождения каждому, больше или меньше, но, тем не менее, обусловленных чем-то заранее, ограниченных все же возможностей.